

Молодая поросль РУАНДЫ

В. ЕВСЕЕВ

АКОЙ же у вас «молодежный» кооператив, когда в нем работают и пожилые? — префект скривил огромные, во все лицо, губы и постучал по ним карандашом.

— Но, они сами хотят...

— Сколько же вы им платите?

— Пока ничего, как и всем. Мы ведь только начинаем, и доход от первого урожая использовали для покупки инвентаря и семян. Сейчас все и едят дома. Потом организуем и общественное питание, и оплату...

— Хм, старики и кормят ваших бездельников, и сами работают бесплатно. Странно...

— Да, но они учат молодых работать на плантациях, и сами учатся у молодежи грамоте.

— Так у вас в этом к-о-о-перативе трудятся или читают книжки?

— И то и другое. Кстати, господин префект, наш кооператив был узаконен постановлением правительства и одобрен Национальным собранием, а наш опыт рекомендуется пропагандировать по всей стране.

Последних слов собеседника префект словно не слышал и упрямо продолжал свой нудный и нетактичный — в присутствии советского журналиста — допрос. Он никак не хотел понять, как, для чего, да еще в «его владениях» возник первый в Руанде сельскохозяйственный кооператив, не мог понять, почему его председатель, этот молоденький «чистюля» в городском костюме, не опускает глаз, отвечая на самые каверзные вопросы...

— Уж не хотите ли вы строить социализм, а? — хихикнул в заключение префект, поглаживая на животе свою пегую кобылку...

— Куда нам до социализма, — ответил уже мне в машине Жан-Боско Сийахоно, с которым мы ехали из руандийской столицы Кигали в кооператив.

— По-моему, молодым свойственно объединяться, а у нас в стране, к сожалению, нет еще молодежной организации, настоящей, общей. А ребята, да и взрослые хотят сообща и трудиться, и отдыхать, и заниматься самообразованием, и спортом, и просто петь песни. Разве это трудно понять? Нам надоело жить врозь, как жили наши деды и прадеды. Вот так, — и он кивнул в сторону бежавших за стеклом машины холмов.

По обе стороны красноватой, обсаженной редкими эвкалиптами дороги то сбегали в долины,

Эти молодые посадки символизируют молодость кооперативного движения в Руанде.

Фото автора

то карабкались по изумрудным на солнце кручам темно-зеленые рощицы: банановые с разлапистыми крестовинами широких листьев и реже — кофейные с рядками стройных деревьев, усталых у корней сухим тростником. И всюду, где среди волн зелени угадывался оазис, виднелись круглые соломенные крыши глинобитных крестьянских хижин. Одна — едва не в километре от другой. Каждая в центре кольца-ограды из камыша, бамбука или плотного, как стена, кустарника. И так по всей Руанде разбросаны эти крестьянские хутора — «руго». Каждый со своим замкнутым и «независимым», а в общем-то одинаковым немудрым хозяйством: те же бананы, маниок, кофе, клочки земли с посадками фасоли или сорго...

— С чего мы начали? Кажется, что все это было вчера, а прошло уже больше двух лет. — Большие умные глаза Боско засветились теплом от приятных воспоминаний. — Слышали, конечно, что Руанду называют страной десяти тысяч холмов, хотя их, наверное, больше. Они — и самые маленькие наши административные единицы (префектура — коммуна — холм). Поэтому и о пропсике человека у нас говорят: он с такого-то холма...

Так вот, мы, ребята с ближайших холмов, собирались и раньше вместе: днем — на игры, вечером — почитать книжку у костра. Однажды сообща помогли молодоженам построить дом и расчистить землю под посадки. Очень понравилось работать вместе — и легче, и быстрее, и интереснее. Тогда-то и родилась мысль организовать свое хозяйство, коллективное, молодежное.

Обратились за землей в коммуну. Там недоверчиво улыбнулись, но несколько гектаров целины все же дали: у нас — на юго-западе — свободной земли больше, чем в других районах.

Помню, в самом первом списке членов кооператива было 27 человек.

— А теперь? — не выдержал я.

— О, более полутора тысяч. Каждую неделю принимаем новых... Да, так, сначала никакого, конечно, устава не было. Просто договорились дружно работать, учиться, отдыхать. Выбрали председателя — меня. А хозяйство свое решили назвать «КООПАКИ» — кооператив, Агриколь (сельскохозяйственный), провинции Кибунго.

На первых порах и мотыги, и семена брали — кто что может — из дома. Боялись, что родители

будут недовольны. Но, нет. Говорят, если на дело — пожалуй-ста. А когда они узнали, что мы и самообразованием занимаемся, стали сами к нам приходиться, а потом и записываться в члены кооператива. Разве можно им отказать? Они — наши наставники, агрономы. А ребята, из тех, кто ходил в школу, стали постепенно учителями: кто хорошо знает, скажем, математику — преподает ее другим. Также и географию, и французский — второй официальный язык Руанды. А неграмотным каждый по очереди дает уроки чтения и письма.

— Кстати, остановите здесь, я взгляну в нашу школу, — попросил Боско, когда мы приблизились к приземистому широкому зданию, перед которым на мачте развевался красно-желто-зеленый с буквой «Р» в центре флаг республики — признак официального учреждения. Здесь уже ждали Боско.

— Простите, друзья, префект задержал.

— Он бы лучше сам к нам взглянул: два года проезжает мимо — «не замечает»...

— Ничего, заметит. — И Боско стал выдавать подросткам пачки увесистых темных плиток — грифельных досок, заменявших школьникам тетради.

Когда наша машина принялась снова распутывать петли дороги, Боско продолжил рассказ о кооперативе.

— И девушки у нас такими оказались энтузиастками! Кое-кто из парней думал, что они побоятся нового. Где там! Старательные, трудолюбивые, они и на плантациях работают — двести человек, и в бригадах по рукоделю, и в совете очень активны. Тянувшаяся справа вдоль дороги невысокая чаща оборвалась, открыв ровную и чистую — такую здесь поискать — площадку, террасу на склоне холма. В глубине ее, лицом к дороге, виднелась белая мазанка, справа — ряды скамеек под вместилищем навесом из жердей и пальмовых листьев. На стене домика еще издали можно было прочитать: молодежный сельскохозяйственный «КООПАКИ».

Это и есть наш центр, правление. Боско знакомит меня со своими заместителями, такими же, как и он, 20-летними юношами Манассе Карамата и Этьенном Кабура. В прохладной комнате правления, увешанной диаграммами, сельскохозяйственными плакатами и взятыми из туристских

проспектов картами СССР, садимся за деревянный некрашенный стол. Этьенн, Манассе и подошедшие еще ребята рассказывают наперебой о своих делах в кооперативе... Земли у нас теперь 370 гектаров. Выращиваем маниок, арахис, сою. Посадили две плантации кофе «арабика» — 2300 деревьев. В июне получим первый урожай со старых посадок — граммов по 500 с каждого дерева. Потом будет больше. Думаем сажать овощи, хлопок. И планов много, и кое-что уже сделано.

Кооператоры с гордостью водили меня по своим образцово ухоженным плантациям, познакомили с девушками из бригады рукодельниц, вышивающих на поделках национальные орнаменты из разноцветного мелкого бисера. Присутствовал я и на общем собрании кооператива. Деловой разговор о текущих работах. Затем председатель сообщил о последних новостях в столице, где он был во время праздника, рассказал о беседе с президентом республики. В заключение состоялись выборы: заместителем председателя кооператива по работе среди женщин и девушек была названа серьезная и милостивая Луиза Нирамахино.

А после собрания — самодеятельность пионеров (их уже триста). Деловитость взрослых кооператоров растаяла в улынках, когда на площадку вышли в разношерстных, ветхих, но чистых рубашонках, босые, в умильно четком строю школяры. Мальчики под управлением дирижеров-учителей Машема и Митавазе, под аккомпанемент барабана исполнили несколько песен. По их веселым лицам видно было — хорошие песни. А девочки под предводительством воспитательницы Вероники Мукакобего танцевали, водили хороводы. И я видел, как глядя на них, прослезилась мать Боско, прожившая нелегкую жизнь пожилая труженица-африканка...

И еще в этот день на стол председателя легли 42 заявления о приеме в члены кооператива.

...Возвращаясь по почти 200-километровой дороге в Кигали, я уже по иному смотрел на зеленые холмы Руанды: они не казались теперь навечно застывшими в своей патриархальности. Молодые, дружные ростки нового, прогрессивного, которые я видел в кооперативе «КООПАКИ», пробьют себе дорогу и здесь — в самом центре Африки.